

ДЕФОРМАЦИЯ НАРРАТИВА В «ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»: языковые средства, текстовые приемы, коммуникативная цель

М.Ю. Сидорова, С.В. Зубова

Аннотация. Персональная история (документальная биография) является сегодня одним из востребованных читателями научно-популярных жанров. Цель исследования, представленного в статье, — выявить методами коммуникативно-грамматического анализа приемы построения текста, противоречащие признакам исторического нарратива в целом и жанра персональной истории, что приводит к искажению функционального предназначения текста (как в плане сообщения о последовательности реальных событий, так и в плане трансляции духовного опыта героя персональной истории). Материалом является книга Л. Данилкина «Юрий Гагарин». Установлены языковые средства и текстовые приемы подмены исторического нарратива фикциональным, повествования о реально происходивших событиях — демонстрацией картины мира автора и нарушения сформулированных А. Данто принципов отбора и структурирования событий в угоду идеологической сетке автора. Подобный нарратив предлагается терминологизировать как «деформированный», а операции, приводящие к указанным искажениям, как «деформацию нарратива».

Ключевые слова: исторический нарратив, персональная история, шифтеры, модус, диктум, событие, деформация нарратива

Для цитирования: Сидорова М.Ю., Зубова С.В. Деформация нарратива в «Персональной истории»: языковые средства, текстовые приемы, коммуникативная цель // Преподаватель XXI век. 2026. № 2. Часть 2. С. 328–339. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-328-339

NARRATIVE DEFORMATION IN “PERSONAL HISTORY”: Linguistic Means, Textual Devices, Communication Purpose

M.Yu. Sidorova, S.V. Zubova

Abstract. *Personal history (documentary biography) is one of the most popular non-fiction genres today. The aim of the study presented in this article is to use communicative-grammatical analysis to identify textual construction techniques that contradict the characteristics of historical narrative in general and the personal history genre, thereby distorting the text's functional purpose (both in terms of reporting the sequence of real events and in conveying the spiritual experience of the protagonist). The material is the book “Yuri Gagarin” by L. Danilkin. The article identifies linguistic means and textual techniques substituting a historical narrative for a fictional narrative, a presentation of the author's worldview instead of a narrative about real events, and a violation of A. Danto's principles of selecting and structuring events to suit the author's ideological framework. It is proposed to term such a narrative as “deformed”, and the operations that lead to these distortions as “narrative deformation”.*

Keywords: *historical narrative, personal history, shifters, modus, dictum, event, narrative deformation*

Cite as: Sidorova M.Yu., Zubova S.V. Narrative Deformation in “Personal History”: Linguistic Means, Textual Devices, Communication Purpose. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 2, part 2, pp. 328–339. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-328-339

В статье «Тяжелое дело — писать легко. Адресат высказываний современного российского историка» [1] доктор исторических наук профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Д.М. Володихин, являющийся также автором значительного количества научно-популярных и художественных произведений, выделил четыре типа текстов, посредством которых современный историк может обращаться к широкой аудитории:

- 1) историческая публицистика (устные и письменные тексты в журналах, теле- и радиопрограммах, блогосфере и сетевых масс-медиа);
- 2) научно-популярный жанр, традиционно привычная и удобная для академического историка форма;
- 3) историософия, в которой «хорошая литература — с полным арсеналом художественных приемов, образностью, метафоричностью — совмещена с философической “подкладкой” и поставлена на прочное основание исторического материала»;
- 4) персональная история, основная цель которой — «дать современному интеллектуалу информацию о тех глубинных пружинах, которые двигали жизнь духовно родственных ему фигур в прошлом» [1, с. 349–351].

Характеризуя общественную значимость текстов, относящихся к персональной истории, Д.М. Володихин, сам признанный мастер этого жанра, пишет: «Из судьбы одной персоны — все равно, исключительной для своего времени или встроенной в массовый поток, — извлекается духовное зерно или же экзистенциальная суть. <...> Итог работы историка-“персоналиста” — реконструкция этических, религиозных, психологических образов поведения личности в обстоятельствах исторического прошлого. Поскольку судьба “портретируемого” во всех случаях

уже завершена, глядявая в ее обстоятельства из своего времени, историк видит результат слов и поступков персоны, и, следовательно, может в какой-то степени подвести итог... Любые обстоятельства могут повторяться в истории бесконечное количество раз. Значит, сведения о том, как вели себя в них люди прошлого, остаются настоящей драгоценностью для современного человека. Он может использовать чужой духовный опыт как своего рода «кирпичики», сознательно выстраивая собственную личность и собственную судьбу. А живым «передаточным звеном» этого опыта и становится историк. Притчевость, содержащаяся в жизнеописаниях людей прошлого, — если, конечно, уметь извлекать ее осознанно, со всем инструментариум современной науки — никогда высокой цены не потеряет» [там же].

В этой цитате внимание привлекает акцент на духовной, экзистенциальной ценности текстов «персональной истории» для современного человека, а значит высокой ответственности, возлагаемой на автора такого текста. В то же время Володихин подчеркивает, что извлечение этой духовной составляющей, «притчевости» из жизнеописаний людей прошлого требует умения, осознанности, использования современного научного инструментария. Иными словами, в основе «персональной истории», как и любого исторического текста, должен лежать исторический нарратив, отвечающий критерию научности.

Понятие исторического нарратива получило глубокую научную разработку начиная со времени нарративного поворота в гуманитарных дисциплинах, в том числе в истории в последней четверти XX в., — поворота, который также называют лингвистическим, поскольку научный нарратив реализуется в языковых структурах и через них может исследоваться. Основы современного понимания исторического нарратива создали такие выдающиеся ученые, как П. Рикер [2; 3], Р. Барт [4], А. Данто [5], Ф.Р. Анкерсмит [6; 7].

Некоторые подходы к изучению исторического нарратива были заимствованы из изучения нарратива художественного, но в целом эти два типа нарратива воспринимаются как принципиально различающиеся по критерию фикциональности (литературно-художественный нарратив) / нефикциональности (исторический нарратив). Хотя у Р. Барта эта оппозиция проблематизируется, но речь идет не об отрицании реальности, противопоставленной вымыслу, а о сходствах в построении повествования, о возможности писать исторический нарратив теми же языковыми средствами и текстовыми приемами, которые используются для нарратива художественного: «...Действительно ли повествование о событиях прошлого, обычно помещаемое в нашей культуре (начиная с древних греков) под рубрикой исторической “науки”, подчиненное императиву “реальности” и оправдываемое принципами “рационального” изложения, отличается какой-то специфической чертой, какой-либо несомненной структурной упорядоченностью от повествования воображаемого, какое можно встретить в эпосе, романе, драме?» [4, с. 427].

Анализируя виды яacobсоновских «шифтеров», которые используются в историческом повествовании и не являются для него специфичными (шифтеры «слушания», знаки «организации дискурса», знаки протагонистов высказывания — отправителя и читателя, шифтеры, обслуживающие «двойную» позицию историка как участника событий и субъекта рассказывания), Барт постоянно подчеркивает, что они используются для отграничения рассказа о событиях (акта высказывания) от самих излагаемых событий, иными словами «движения речи» от предмета речи. Означаеым историческо-

го повествования является «расчлененно-поименованный референт, уже постижимый для ума, но еще не подчиненный синтаксису», включающий «“экзистенты” и “оккуренты” — существа, сущности и их предикаты», которые «можно свести в относительно закрытый, а значит поддающийся охвату перечень — в некоторую *коллекцию*, единицы которой в конечном счете повторяются, хоть и образуют, конечно, разнообразные сочетания; так, у Геродота экзистенты включает в себя династии, правителей, военачальников, воинов, народы и географические места, а оккуренты — такие действия, как *разорять*, *порабощать*, *присоединять*, *совершать поход*, *царствовать*, *пользоваться военным приемом*, *обращаться к оракулу* и т. д.» [4, с. 433].

При этом Барт настаивает именно на термине «коллекция», а не «лексикон», указывая, что «речь идет исключительно о плане содержания», о «списке юридических, политических, этнических объектов». Последовательное разграничение плана содержания и плана выражения приводит Барта к констатации следующей важной особенности исторического повествования: «Статус некоторого процесса может быть утвердительным, отрицательным, вопросительным. Однако статус исторического дискурса всегда и всюду утвердительный, констатирующий; исторический факт обладает лингвистической привилегией бытия: рассказывают о том, что было, а не о том, чего не было или что было сомнительно. Одним словом, исторический дискурс не знает отрицания (разве что изредка, как нечто маргинальное)» [4, с. 435]. Его аналогии с различными видами фикционального дискурса начинаются на уровне лексикона, синтаксиса, т. е. там, где в действие вступает язык: «Так мы приходим к парадоксу, которым и регулируется вся система исторического дискурса (в отличие от других типов дискурса): факт обладает лишь языковым существованием (как элемент дискурса), но при этом все происходит так, будто его существование — просто “копия” какого-то другого существования, имеющего место во внеструктурной области, в “реальности”. Очевидно, это единственный дискурс, где референт рассматривается как внешний по отношению к дискурсу, хотя достигнуть его невозможно помимо этого дискурса» [4, с. 438–439]. Несмотря на то, что «исторический дискурс не следует реальности, а всего лишь обозначает ее», его ключевым словом и условием его существования является *это было*, т. е. «признание реальности как означаемого» [4, с. 440]. Без такого признания нет исторического дискурса.

Соответственно, какую бы значительную роль ни придавали исследователи исторического нарратива структурирующему и субъективирующему его сознанию автора, значимость *это было* как исходного пункта не вызывает сомнений. А. Данто в «Аналитической философии истории», устанавливая условия, которые должны быть выполнены, чтобы некоторая последовательность сообщений о событиях могла именоваться историческим нарративом, демонстрирует на показательном примере недостаточность очевидных и необходимых признаков реальности и хронологической последовательности («любое историческое сочинение должно: (а) сообщать о действительно имевших место событиях и (б) сообщать о них в том порядке, в котором они произошли» [5, с. 115]). В предложении *Нарамсин построил Храм солнца в Сиппаре, затем Филипп III (Испанский) изгнал морисков, затем Хусто Хосе де Уркиса разбил войска Буэнос-Айреса при Сепеде, затем Артур Данто проснулся в семь часов утра 20 октября 1961 года* [там же] в хронологическом порядке представлены имевшие место события, но мы не можем охарактери-

зывать это предложение как пример исторического нарратива. И даже добавление еще одного необходимого признака — «(с) оно [событие] должно объяснять произошедшие события» — оказывается недостаточно. Предложение *Нарамсин построил Храм солнца в Сиппаре вследствие давления, которое оказывали на него жрецы; затем Филипп III (Испанский) изгнал морисков из-за их религиозных убеждений; затем Хусто Хосе де Уркиса разбил войска Буэнос-Айреса при Сепеде, поскольку его армия была лучше вооружена; затем Артур Данто проснулся в семь часов утра 20 октября 1961 года, поскольку он хотел пораньше начать осмотр раскопок Черветери* [5, с. 115–116] опять же не воспринимается как исторический нарратив.

Реальное событие как базовая категория не исчезает и тогда, когда Данто вводит дополнительные параметры, еще больше субъективизирующие нарратив, акцентирующие организующую роль сознания автора. Формулировка «любое повествование — это структура, **налагаемая** [выделено нами. — Авт.] на события, которая одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения» [5, с. 129], предполагает существование событий до налагаемой на них структуры, как и приводимая Данто аналогия между историком и реставратором, старающимся из имеющихся обломков восстановить здание. В качестве «имеющих значение» для исторического нарратива рассматриваются события, которые: 1) представляют для историка моральный интерес и он дает им моральную оценку (прагматическое значение); 2) историк рассматривает «как иллюстрации или свидетельства в пользу некоторой общей теории, которую он стремится подтвердить или опровергнуть» [5, с. 130–131] (теоретическое значение); 3) имеют важные, с точки зрения историка, последствия (значение в свете последствий); 4) дают историку возможность «восстановить ход других событий или хотя бы сделать вывод о том, что они имели место» [там же] (раскрывающее значение). Но, чтобы оценивать события, иллюстрировать ими теорию, выводить из них последствия или конструировать на их основе другие события, историк должен признать эти события реальными и в таком качестве предъявить их читателю. Этого требует конвенция — жанровый «договор», который читатель «подписывает», открывая учебник истории или «персональную историю», а не «Илиаду» Гомера или «Войну и мир» Л.Н. Толстого.

Естественно, указанные свойства исторического нарратива должны сохраняться во всех его разновидностях, включая тексты персональной истории. В реальности же тексты персональной истории, именно в связи с их высоким духовно-ценностным потенциалом, о котором пишет В.М. Володихин, оказываются в зоне риска: возможность создать «текст влияния» может провоцировать автора на нарушение норм создания исторического нарратива, что, в свою очередь, приводит к подмене научного взгляда на мир идеологическим. Исторический нарратив замещается авторским «письмом» (в терминологии Р. Барта), жизнеописание героя персональной истории — нарративными структурами, порождаемыми сознанием автора на основе господствующей в нем картины мира (стереотипов, культурных кодов, прецедентных феноменов, ценностно-смысловых схем), а не тех принципов, о которых пишет А. Данто. Целенаправленность или бессознательность такого порождения может варьироваться.

Такая деформация исторического нарратива обнаруживается через целый ряд конкретных языковых средств и тактических приемов построения текста. Проде-

монстрируем некоторые из них на примере текста, практически полностью состоящего из такого деформированного исторического нарратива, — книги Л. Данилкина «Юрий Гагарин» [8]¹.

1. Подмена реальной диктумной цепочки событий вымышленной.

Языковые средства: вопросительные предложения [9], ассертивные предложения с показателями неуверенности типа «возможно», условные предложения. Языковой механизм: реальному субъекту — герою персональной истории приписываются вымышленные действия, состояния и другие предикативные признаки, для усиления эффекта в предложение может включаться эксплицированная модусная рамка (даже двухслойная, как в примере ниже: оценочный показатель + показатель категоричности, уверенности). Поскольку диктум является обязательным, основным компонентом содержания предложения, а модусные показатели «обрамляют» диктум, их наличие акцентирует наличие в смысловой структуре предложения двух планов: один представляет собой «объективное» содержание предложения, диктумный «факт», второй, согласно определению модуса, — наше отношение к диктумному «факту» или способ его познания (на самом деле факта нет, познавать нечего, но автор стремится навязать нам представление, что он есть).

Пример: *Гагарина в 1960-е можно представить послушной шестеренкой режима, воплощением конформизма. Это понятная, имеющая под собой основания точка зрения. Конечно, хорошо бы, чтобы он, как Че Гевара, плюнул в какой-то момент на все свои представительские функции, плеснул Брежневу в лицо порцию пинаколады и уехал воевать куда-нибудь во Вьетнам с американцами — как Че Гевара в Боливию. Конечно, здорово было бы, если бы вместо того, чтобы по бумажке зачитывать идиотские отчеты о высоких обязательствах и хороших урожаях, он орал комсомольцам: «Вы все жалкое стадо рабов!», переругивался с публикой — так, как это делал ровно в те же годы какой-нибудь Джим Моррисон.*

Средства конструирования вымышленных автором сценариев могут взаимодействовать в пределах одного фрагмента текста: **Что было бы с Гагариным, если бы история развивалась по альтернативному сценарию и немцы так и остались бы** в Клушине окончательно? **Скорее всего, вместо Люберец году в 1949-м он был бы отправлен** куда-нибудь в Любек, по тому же маршруту, что его старшие брат и сестра, в арбайт-лагерь, — где и **выяснял бы, производит ли его открытая славянская улыбка магическое действие на хозяев или нет** (Л. Данилкин). Вымышленный нарратив, построенный с помощью вопросительного предложения, условного наклонения, вводно-модального выражения *скорее всего* (подразумевающего возможность и других «альтернативных сценариев»), ничего не добавляет к диктумному плану текста — повествованию о жизни Гагарина, весь этот пассаж — содержание исключительно сознания автора, а не реальной действительности.

То, что в книге Данилкина значительный объем плана рассказывания занимают подобные фикциональные конструкции, — нарушение не только принципов

¹ Рамки статьи позволяют рассмотреть только случаи деформации диктумного плана (событий и обстоятельств). Деформации нарратива, связанные с вторжением автора в модусную сферу внутритекстовых субъектов, представляют более сложный случай и требуют отдельного анализа. Следует подчеркнуть, что, несмотря на то что в качестве материала в данной статье мы используем один текст, подобные нарративные деформации характерны не только для анализируемого автора в целом (см., например, его книгу «Палаццо Мадамы» — «персональную историю» директора ГМИИ имени А.С. Пушкина Ирины Антоновой), но и для других популярных авторов и других видов текстов, с помощью которых сейчас поступает к массовому читателю историческое знание (см., например, книгу А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям»).

построения исторического нарратива, но и жанровой конвенции серии «Жизнь замечательных людей», в которой, странным образом, анализируемый текст был опубликован. Читатель книги «Гагарин» из серии «ЖЗЛ» «подписывает» с автором жанровую конвенцию на персональную историю первого космонавта, познание его духовного опыта, а не на фантазии автора, который сам по себе «замечательным человеком» не является и не может быть нам интересен. Используемые в данном случае средства субъективизации далеко выходят за «законные» для исторического нарратива в понимании Р. Барта и А. Данто.

У Данилкина конструирование «альтернативных вариантов» не просто вытесняет из плана рассказывания реальную цепочку событий, оно эксплицитно заявляется как прием **объяснения** истории. После предложения *Чтобы понять, что на самом деле произошло 12 апреля 1961 года, попробуем смоделировать* — как обстояли бы дела, если бы полет закончился катастрофой, **причем не сразу же, а уже после того**, как о нем *раструбили по всему свету* идут три абзаца текста (325 слов), состоящие из условных предложений, содержащих цепочку событий, которых *не было*. Автор в данном случае не «накладывает структуру» на известные ему факты, не отбирает обладающие прагматическим, теоретическим и т. п. значением события из реально произошедших, следовательно данный нарратив не является историческим, а, будучи инкорпорированным в текст персональной истории, представляет собой нарративную деформацию.

Исходная точка для «моделирования» фикции выбирается автором весьма тщательно: оговаривается, что вымышленный мир, на описание которого потрачено три абзаца, релевантен не просто для ситуации, если бы полет Гагарина закончился катастрофой, но при дополнительном условии — эта катастрофа должна была произойти в определенный период времени. Это характерный пример идеологической избирательности: автор устанавливает ту точку отсчета, которая позволяет создать нужный ему вымышленный нарратив. Принципы Данто оказываются здесь вывернуты наизнанку: для установления причинно-следственных связей и конструирования «неизвестных» событий в качестве отправной точки отбирается событие не реальное, а вымышленное.

Эксплицитно цель этого фикционального фрагмента заявляется как *понять, что на самом деле произошло 12 апреля 1961 года*, а завершается он выводом: *Словом, это важный день; к тому, как он складывался, следует отнестись внимательно*. Импликатура достаточно очевидна: понять значение полета Гагарина без моделирования фикции невозможно. Вымышленный нарратив позиционируется таким образом как инструмент рациональности, орудие познания не просто равноценное историческим источникам, но превосходящее их по объяснительной силе.

2. Элиминация событий, не соответствующих ценностно-смысловой установке автора, и мультипликация событий, поддерживающих эту установку, могут также рассматриваться как примеры избирательности, свойственной тексту, руководящим принципом которого служит не историческая методология, а идеология, т. е. «такая система взглядов и идей, которая действует на основе избирательности фактов и отклонения от объективной действительности, отражая отношение того или иного субъекта к социально-политической реальности с позиций его интересов, ценностей, идеалов и целей, а также предписывает определенные способы решения общественных проблем» [10, с. 3].

Как пишет Г.К. Косиков в предисловии к собранию произведений Р. Барта, идеологическая ценностно-смысловая сетка «понуждает думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» [11].

Примером является следующая вопросительная конструкция с итеративными предикатами: *Ведь после 1961 года Гагарин превратился в живой сувенир, а вся его деятельность, по сути, сводилась к тому, что он высаживал елочки, разрезал ленточки, целовался с королевами и киноартистками, ну и, по вечерам, прокручивал дырки в ките для новых орденов; разве нет?* (Л. Данилкин)

Использованный прием деформации нарратива можно обозначить как «сведение к»: автор с помощью модусной «пустышки» *по сути* и глагола *сводится* устраняет из цепочки фактов все, которые его не устраивают, не встраиваются в его идеологическую схему, мультиплицирует те, которые ему удобны (со сколькими королевами реально целовался Гагарин?), усиливает итеративность с помощью темпорального показателя *по вечерам*. Создается впечатление, что Гагарину чуть ли не каждый день давали новый орден. На самом деле у него был всего один советский орден — орден Ленина и 9 орденов иностранных государств, большинство из которых он получил в 1961 г., а не «после 1961 г.», но эти «мелочи» Л. Данилкина на интересуют, поскольку цель высказывания в данном случае — не сообщение, а воздействие, «понуждение... замечать и оценивать» только определенные аспекты действительности.

3. Деформация нарратива с помощью негативного «шифтера слушания» — модусного показателя, имплицитующего, что диктумная информация о герое персональной истории, не может быть подтверждена по причине отсутствия у автора «данных», тем не менее он считает необходимым эту информацию сообщить, т. е. **отобрать** для включения в свой нарратив и **связать** с другими событиями. Прагматическое и теоретическое, по А. Данто, значения придаются вымышленному событию: *Особая тема — Гагарин и алкоголь. Да, у нас нет данных, что, пользуясь своим статусом рок-звезды, он устраивал сид-вишесовские или мик-джаггеровские дебоши — но есть множество свидетелей, описывающих, что полдень, наступивший вслед за «утром космической эры», Гагарин провел с рюмочкой в руке.*

Механизм деформации нарратива работает здесь следующим образом. Диктумная часть: субъект (*Гагарин*) — предиктируемые ему в реальной модальности признаки (*пользовался своим статусом рок-звезды, устраивал дебоши*). Модусная часть: частица *да* в уступительном значении (=хотя), модусный показатель ограниченности знания конкретного субъекта (*у нас нет данных*). Диктумные признаки не отрицаются, субъект речи всего лишь указывает на невозможность подтвердить их доступными ему данными.

В этом предложении использован также манипулятивный прием представления реального факта как низшей градации по отношению к сконструированному негативному факту (собака искусила потерпевшего, а могла бы и загрызть). Исторический нарратив фактически деформируется (можно сказать, деградирует) до абсурдно-анекдотического («а мог бы и зарезать» — из известного анекдота).

4. Деформация причинно-следственных связей путем подмены картины мира (культурного кода), что приводит к искажению реальных мотиваций героя персональной истории и других внутритекстовых субъектов:

По существу, с Гагариным советская пропаганда предложила переживающему глобальный политический кризис миру — и Западу, и своим, и третьим странам — своего рода **открытую платформу**. <...> Эффект после запуска этой «**платформы**» превзошел самые смелые ожидания. Гагарин стал самым успешным «**PR-проектом**» советской власти — позволившим продолжать политическую экспансию из космоса на чужие территории. <...> Миру был предъявлен не только в высшей степени **конкурентоспособный, маркетингово привлекательный продукт** системы, но и нечто большее. «Идею», стоящую за Гагариным для «настоящих», капиталистических иностранцев, можно описать как **glamour of space — и glamour of Red**. Не то же самое, что коммунизм, согласитесь.

Открытая платформа, PR-проект, конкурентоспособный продукт, маркетинговая привлекательность, гламур — все это терминология современной публичной коммуникации и маркетинга, отражающая категории, в которых не мыслили ни сам Гагарин, ни его современники, ни советская власть (пропаганда). Использование их для интерпретации событий того времени, побудительных мотивов и реакций субъектов — очевидный ахронизм, маркер деформации нарратива.

5. Искажение значения событий с помощью ложных сопоставлений. Поскольку исторический нарратив подразумевает не только выстраивание событий в последовательность, но и их объяснение, важным элементом этого объяснения являются сопоставления: **Разумеется, космонавты — и Гагарин с Титовым в особенности — не были обычными студентами; ближайшей аналогией является обучение какого-нибудь принца Гарри в Сандхерсте.**

Модусный показатель уверенности (разумеется) в данном примере усиливает асертивное высказывание с отрицанием (Гагарин с Титовым не были обычными студентами). В дополнение автор приводит сравнение, которое по канону исторического нарратива должно было бы помочь читателю осмыслить «незнакомое» через «знакомое» и понять значение события. Однако здесь биограф соединяет два несопоставимых явления, «объясняя» «знакомое» через «незнакомое» и подменяя важнейшие семантические компоненты. Принц Гарри дистанцирован от Гагарина и Титова с точки зрения и исторического, и социального контекста — он обучался в двадцатилетнем возрасте (2005–2006) в элитной Королевской военной академии в Сандхерсте в рамках принятой для королевской семьи традиции, в то время как Ю. Гагарин и Г. Титов — состоявшиеся космонавты, проходившие обучение уже после своих полетов (1961–1968) в Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского для участия в дальнейшем развитии космической программы, проектировании кораблей, разработке методик полетов и подготовке новых космонавтов. Следовательно, представленная аналогия трансформирует статус космонавтов из героев, прошедших экстремальные нагрузки ради научного прорыва и готовых дальше служить на благо Родины, развивая космическую сферу, в фигуры привилегированной элиты, проходящие формализованное обучение — это не историческое объяснение, а нарративная уловка, направленная на конструирование мифа через призму западного культурного кода.

Даже в самых чудовищных пропагандистских турах — как на Цейлоне, когда ему приходилось выступать по 18–20 раз в день, первый раз в семь утра, последний — в 12 ночи, у него случаются моменты абсолютного счастья, **которые действуют на него как гигантские таблетки прозака.**

В этом примере соседствуют несколько нарративных деформаций: включение авторской оценки в диктумную часть в синтаксической позиции атрибута (*в самых чудовищных пропагандистских турах*); сконструированная итеративность; сравнение, которое одновременно представляет собой ахронизм с подменой культурного кода и способ ввести импликацию, негативно характеризующую героя: *моменты абсолютного счастья* сопоставляются с приемом *гигантских таблеток прозака*. Прозак (флуоксетин) — это антидепрессант, зарегистрированный в 1974 г., он не создает ощущение счастья, а восстанавливает эмоциональный баланс, «выравнивает» психику. Употребление этого препарата воспринимается как признак слабости, зависимости, неспособности управлять собой, а сам он сейчас ассоциируется с рядом разоблачений и скандалов, связанных с негативными эффектами его применения. Кроме того, увлечение прозаком стало «темой» целого поколения (к которому Гагарин не относится) — американская журналистка Э. Вуртцель даже написала книгу «Нация прозака» — и приобрело само по себе характер, граничащий с помешательством. Использованным сравнением автор не просто смещает пространственно-временные границы, он вводит импликацию психической нестабильности Гагарина, интерпретируя его *моменты счастья* как компенсаторные реакции, необходимые для выживания в условиях стресса. Стоит отметить, что в действительности нет ни одного достоверного свидетельства о том, что Юрий Гагарин страдал от депрессии, нервных расстройств или принимал психотропные препараты. Напротив, современники отмечали его жизнерадостность, уравновешенность, способность к эмпатии и внутреннюю силу. Предложенное автором сравнение не является попыткой объяснить событие, оно деформирует его значение и образ Гагарина; показывает космонавта не как активного субъекта, испытывающего радость от миссии, а как пассивную жертву системы, нуждающуюся в *таблетках счастья*, чтобы выдержать эксплуатацию.

Подведем итог нашему исследованию. Нами введено и исследовано понятие **деформации исторического нарратива** (нарративной деформации) в тексте персональной истории как одном из видов текстов, с помощью которых историки обращаются к массовому читателю, и выявлены языковые средства и тактические приемы такой деформации. Нарратив персональной истории этими средствами и приемами превращается в фикциональный и идеологически маркированный.

Деформация исторического нарратива, которая диагностируется по выявленным нами признакам (мы полагаем, что список их может быть расширен), имеет определенную коммуникативную цель, противоречащую функциональному предназначению текстов персональной истории в общественной коммуникации. Эта цель — замещение научного познания мира, условием которого является устранение преград и помех между познающим разумом (читателем) и действительностью, на идеологическую проекцию авторского сознания, редуцирующую действительность до ценностно-смысловой схемы автора.

Автор персональной истории выступает в таком случае не как «живое “передаточное звено”» духовного опыта своего героя, извлеченного с помощью научного инструментария из его жизнеописания, а как транслятор собственной идеологии, использующий жизнеописание героя как средство, а не цель. Он не просто наполняет биографию Гагарина вымышленными событиями, но использует эти

вымышленные события для структурирования нарратива и придания значения реальным событиям. Персональная история при этом перестает соответствовать своему функциональному предназначению: «духовное зерно или же экзистенциальная суть», которые читатель должен извлечь из персональной истории Гагарина, подменяются картиной мира автора.

Выявленные нами языковые средства и текстовые приемы деформации исторического нарратива и коммуникативные следствия их использования открыты для лингвистического анализа, но не очевидны наивному читателю. Учитывая определяющую роль инпута в формировании общественного понятия о жанре, можно констатировать опасность замещения в коммуникативном сознании социума представления о персональной истории («жизни замечательных людей»), сформулированного Д.М. Володихиным (персональная история как один из путей, открывающих доступ к научному историческому знанию для массового читателя, как транслятор духовного опыта) на искаженное представление об этом жанре, легитимизирующее его фикциональность, приоритет авторского «письма» над научной объективностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Володихин Д.М. Тяжелое дело — писать легко. Адресат высказываний современного историка // Диалог с историей. 2012. Т. 38. С. 343–352.
2. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т.В. Славко; науч. ред. И.И. Блауберг. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
3. Рикер П. История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. СПб.: Алетей, 2002. 400 с.
4. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 427 — 441.
5. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003а. 368 с.
7. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003б. 376 с.
8. Данилкин Л.А. Юрий Гагарин. М.: Молодая гвардия, 2011. 511 с.
9. Зубова С.В. Тактика риторического вопроса в документальной биографии // Преподаватель XXI век. 2025. № 4(2). С. 419–429.
10. Коноплев Д.Э. Идеологическая маркированность журналистского текста: на материале современной российской прессы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2010. 24 с.
11. Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избр. работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс. 1989. С. 6–48.

REFERENCES

1. Volodikhin D.M. *Tyazheloe delo — pisat legko. Adresat vyskazyvanij sovremennogo istorika* [It is Hard to Write Lightly. The Addressee of a Contemporary Historian's Statements], *Dialog s istoriei* = Dialogue with history, 2012, vol. 38, pp. 343–352. (in Russ.)

2. Ricoeur P. *Vremja i rasskaz. T. 1: Intriga i istoricheskij rasskaz* [Time and Narrative. Vol. 1: Plot and Historical Narrative], transl. from French by T.V. Slavko, ed. by I.I. Blauberg, Moscow, St Petersburg, Universitetskaja kniga Publ., 1998, 313 p. (in Russ.)
3. Ricoeur P. *Istorija i istina* [History and Truth], transl. from French by I.S. Vdovin, A.I. Machul'skaja, St Petersburg, Aletejja Publ., 2002, 400 p. (in Russ.)
4. Barthes R. *Diskurs istorii* [The Discourse of History], *Barthes R. Sistema mody. Stat'ji po semiotike kultury* = Barthes R. The fashion system. Articles on cultural semiotics, Moscow, 2003, pp. 427–441. (in Russ.)
5. Danto A. *Analiticheskaja filosofija istorii* [Analytical Philosophy of History], Moscow, Ideja-Press Publ., 2002, 292 p. (in Russ.)
6. Ankersmit F. *Istorija i topologija: vzlet i padenie metafory* [History and Topology: The Rise and Fall of Metaphor], Moscow, Progress-Traditsija Publ., 2003a, 368 p. (in Russ.)
7. Ankersmit F. *Narrativnaja logika: semanticheskij analiz jazyka istorikov* [Narrative Logic: Semantic Analysis of the Language of Historians], Moscow, Ideja-Press Publ., 2003b, 376 p. (in Russ.)
8. Danilkin L.A. *Jurij Gagarin* [Yuri Gagarin], Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2011, 511 p. (in Russ.)
9. Zubova S.V. The Tactic of Rhetorical Question in Documentary Biography, *Prepodavatel XXI vek*, 2025, no. 4(2), pp. 419–429. (in Russ.)
10. Konoplev D.E. *Ideologicheskaja markirovannost zhurnalistiskogo teksta: na materiale sovremennoj rossijskoj presy: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Ideological Markedness of Journalistic Texts: Based on Materials of Contemporary Russian Press], Extended Abstract of PhD Dissertation. Yekaterinburg, 2010, 24 p. (in Russ.)
11. Kosikov G.K. *Rolan Bart — semilog, literaturoved* [Roland Barthes — semiotician and literary scholar], *Barthes R. Izbrannye raboty: Semiologija: Poetika* = Barthes R. Selected works: Semiotics. Poetics, Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 6–48. (in Russ.)

Сидорова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, sidorovadoma@mail.ru

Marina Yu. Sidorova, ScD in Philology, Professor, Russian Language Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, sidorovadoma@mail.ru

Зубова Сусанна Викторовна, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, susanna.zubova@mail.ru

Susanna V. Zubova, PhD Post-graduate Student, Lomonosov Moscow State University, susanna.zubova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.02.2026. Принята к публикации 23.03.2026

The paper was submitted 22.02.2026. Accepted for publication 23.03.2026